

Гаджиева Альбина Абдурахмановна

**К ВОПРОСУ О ДОКУМЕНТАЛЬНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ В ПОВЕСТИ Н. САМУРОВА
"АХТЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ". ОБРАЗ ИМАМА ШАМИЛЯ**

В статье рассматривается художественно-документальная повесть дагестанского писателя Н. Самурова (Гаджиева) "Ахтынская крепость", а также образ имама Шамиля в свете исторической правды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 81-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS OF NOUN COMPOUND WORDS

Larisa Vladimirovna Voronina

Department of the German language
Belgorod State University
voronina@bsu.edu.ru

In the article the analysis of two groups of composites in the German language is presented from the point of view of cognitive-discursive approach. Special attention is paid to the representation of the processes of categorization and sub-categorization by the word-formation models "reviewer + class of reviewers", "reviewer + part of a reviewer".

Key words and phrases: categorization; sub-categorization; middle or basic level; process of cognitive-discursive integration; cognitive-verbal differentiation.

УДК 82-31

В статье рассматривается художественно-документальная повесть дагестанского писателя Н. Самурова (Гаджиева) «Ахтынская крепость», а также образ имама Шамиля в свете исторической правды.

Ключевые слова и фразы: художественно-документальная повесть; система образов; авторские интенции; «парные» персонажи; детерминизм.

Альбина Абдурахмановна Гаджиева

Кафедра русской литературы
Дагестанский государственный университет
albinas72@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ДОКУМЕНТАЛЬНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ В ПОВЕСТИ Н. САМУРОВА
«АХТЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ». ОБРАЗ ИМАМА ШАМИЛЯ[©]**

Интерес к личности и деятельности имама Шамиля - предводителя восстания горцев против царизма - сохранялся в Дагестане и в России постоянно. О нем писали историки, драматурги, поэты и прозаики, своеобразно оценивая и интерпретируя его образ.

Интерес к драматическим событиям Русско-кавказской войны середины XIX века и к характеру Шамиля проявил и современный дагестанский писатель Нариман Самуров (Гаджиев). В 2002 году он выпустил в Махачкале художественно-документальную повесть «Ахтынская крепость». В центре повести один из эпизодов Кавказской войны: осада Ахтынской крепости объединенными силами дагестанцев, возглавляемых Шамилем. Ахтынская крепость - это оборонительное укрепление русских войск, построенное по приказу царя недалеко от селения Ахты и потому условно названной Ахтынской. Она стала оплотом царизма на юге Дагестана: в ней находился постоянный военный гарнизон, осуществлявший и охрану крепости, и наблюдение за окрестной территорией.

Осада этой крепости вошла в планы Шамиля, когда он задумал осуществить поход на юг для соединения с единоверцами в Турции с целью последующей активизацией военных действий против российских войск.

Шамиль изображен в повести в напряженный момент принятия важного решения, а затем - в процессе его осуществления.

Портрету героя автор не уделил большого внимания, но по редким деталям текста повести можно получить представление о внешности и манере поведения Шамиля: «могучая фигура», «крепкие ноги», «негромкий, но твердый и четкий голос», «неторопливая речь», говорит о том, что перед нами сильный, волевой и думающий человек.

Речь, с которой он время от времени обращается к народу, содержательная, яркая, экспрессивная, выдающая человека эрудированного. В одежде имам, как и в быту, очень скромен и сдержан: «...он ослабил ремень, на котором висел тяжелый кинжал в *простых*, без украшений ножнах [4, с. 9]; Народ смотрел «на имама одетого в *простую* чуху, поверх которой был накинут овечий белый полушубок, и его свиту в черкесах из дорогой ткани, обвешанных сверкающими золотом и серебром оружием...» [Там же, с. 68] (*курсив наш* - А. Г.). Его *простая* одежда без украшений приближала его к *простому* народу и вызывала у него расположение и уважение. Шамиль и сам это понимал: «...Кто слишком любит золото и серебро, тому никогда народ не поверит» [Там же, с. 29].

Данная характеристика героя максимально приближена к действительности. Учитывая, что мы анализируем художественно-документальную повесть, которая специфична своей дуальностью: с одной стороны, фактологическая основа, следование документу, факту; с другой - изобразительно-выразительные средства, приемы художественной литературы, мы будем обращаться к историческим научным исследованиям о Шамиле, для того чтобы проследить авторское преобразование мира действительности, определить специфику изображения и отношение автора к герою. В своем историко-биографическом очерке исследователь В. Дегоев: «...впечатляющая внешность, негибкая воля и тщеславие, умение привязать к себе людей узми преданности, доходящие до аскетизма благочестие и широкая образованность... ставило его над массой и в то же время делало привлекательным для нее» [1, с. 3].

Шамиль - имам Чечни и Дагестана - ведет войну против царской России, войну за свободу. Так он объясняет: «Тарикат и шариат* сделают нас сильными. Для этого я веду войну с Николаем, он защищает нечестивых и отступников среди нас, которые мутят народ и отворачивают его от чистого шариата» [4, с. 19]. Оставаясь наедине с собой, он мечтает: «Если бы все слушались меня и выполняли мои законы... в горах не осталось бы несправедливости и зла... Мы прогнали бы с наших земель всех неверных и стали бы свободны и равны...» [Там же, с. 31].

Когда его оппонент в диалоге ученый Мирзаали (исторически существовавшее лицо) пытается объяснить ему, что «человек не любит, чтобы ему запрещали». «Ты, имам, запретил народу много чего... Разве такая свобода бывает? [Там же, с. 133]. Имам отвечает, что «сделал это для их блага». И тут же в разговоре о русском царе говорит: «...Каждый царь делает, как хочет сам, а не как надо» [Там же, с. 134]. На фоне всего разговора с Мирзаали эта фраза, сказанная Шамилем, приводит читателя к мысли, что сам он, может не так явно, есть такой же царь, который «делает, как хочет сам». Эту мысль подтверждают и разговоры в народе, отражающие его настроение и отношение к происходящему (разговор двух пастухов):

- А ты за Шамиля или за царя? - спросил Ади.
- Я за тебя и за наш народ.
- А крепость ты хочешь разрушить?
- Она нашим телятам мешает? Крепость у нас за хорошую цену ... скот покупает... Зачем рушить мост, через который люди ходят к друг другу?
- Выходит ты против имама Шамиля, - недоуменно спросил Ади.
- А что хорошего для моей и твоей жизни сделали наш Шамиль и русский царь? ... Что Шамиль и его наибы с мюридами, что царь с его генералами и писарями. Все они есть хотят за наш с тобой счет... [Там же, с. 72].

Если еще в начале войны народ без сомнений встал на сторону Шамиля, чтобы вместе защищать свою родину, то за последующие годы понял, что бесчинство наибов, не лучше российских поборов. Он устал воевать и хочет мирно жить.

Имам хорошо осознает, что поведение его наибов порочит его имя, вызывает недовольство у народа, но это для него сейчас не главное: «Я разрушу все крепости царя на Кавказе, тогда и за наибов возьмусь - все как один будут жить по шариату» [Там же, с. 134].

И он готовится к взятию одной из таких крепостей - Ахтынской крепости.

Перед взятием крепости для того, чтобы вдохновить воинов на подвиг, поднять их дух, Шамиль совершает своеобразный ритуал. Он появляется перед воинами, привыкшими видеть его «на породистом скакуне», всегда подтянутым, «в рваной и испачканной черкеске, без папахи, босиком... Грудь имама была разодрана и в волосах виднелись засохшие следы крови...». Потрясенные воины «не отрывая взглядов, смотрели на Шамиля. Постепенно все разговоры стихли, и наступила тишина, в котором отчетливо слышался глухой гул Самура» [Там же, с. 143].

Имам обращается с речью к воинам: «Мусульмане! Мужественные сыны Дагестана! Кто отнял вашу силу?! Кто околдовал вашу душу?!... Почему Аллах отвернулся от нас, почему не дает удачи в бою?!» [Там же].

Его эмоциональная, экспрессивная речь буквально завораживает войско, оно «с удивлением и страхом неотрывно взирает на имама» [Там же, с. 144]. Шамиль продолжал: «Весь день и прошлую ночь я молился в мечети... Я просил Аллаха открыть мне причину ваших неудач... После долгой паузы он тяжело вздохнул, горестно покачал головой и наконец суровым голосом выкрикнул:

- Никто не отозвался на мои мольбы! Никто не снизошел к нам!» [Там же].

Воины были потрясены услышанным. «О Аллах! Я Аллах!» - раздавались стоны воинов, не спускающих глаз с имама.

Шамиль выступает здесь как тонкий психолог, знающий как повлиять на общественное сознание, чтобы завлечь, зацепить, завладеть вниманием и повести за собой массы. Он обращается к вере. Он знал: чтобы стать имамом, стать человеком, за которым пойдет народ, «нужно, чтобы народ верил, что ты воюешь ради Аллаха, ради свободы» [Там же, с. 29]. Каждый из воинов правоверный мусульманин, который чтит законы шариата. Шамиль, человек, приближенный к Всевышнему, вдруг говорит, что Аллах покинул их.

* Тарикат - метод мистического познания истины, особый свод морально-этических положений.

Шариат – совокупность религиозных и юридических норм, основанных на Коране, мусульманское право.

Это не могло не вызвать страх у верующих людей и, естественно, вопрос: «Что делать?» И народ, привыкший ему доверять, ждет ответа и «с удивлением и страхом взирают на имама», «не спускают с него глаз», буквально «не сводят с него испуганных глаз».

Шамиль, завладевший не только вниманием воинов, но уже практически и их душами, продолжал: «Мульмане! Я сейчас войду в землю. Я не выйду из-под земли, пока не услышу волю Аллаха великого. А вы стойте и неусыпно молитесь...» [Там же, с. 145]. «Шамиль велел копать яму в рост человека... Когда яма, напоминающая могилу, была готова, Шамиль... спустился вниз и велел закрыть углубление толстыми дубовыми досками и засыпать их землей... Ошеломленные происходящим на их глазах, воины опустили свои оружия дулами к земле и, опершись на них, стали громко читать молитвы вслед за мулами» [Там же].

Напряжение от свершения какого-то таинства, ожидания чего-то мистического передается и через пейзаж: «...Тьма окутала всю долину, зажглись и тревожно замерцали звезды в небе, потом набежали темные тучи и полил холодный осенний дождь, затем густой туман накрыл всех, стало темно как в могиле. К утру поднялся ветер из долины, туман и тучи начали рассеиваться, и, наконец, после утомительной ночи медленно стало светлеть небо над восточными горами» [Там же].

После молитвы, на утро следующего дня, Шамиль вышел из ямы под приветствующие крики войска. «Аллах послал мне своего ангела», - сказал Шамиль. - Он открыл мне глаза на истину! Всю ночь его слова жгли мне душу! Я плакал и молился за вас!» [Там же, с. 147]. Шамиль приказал отхлестать его качмой, тем самым он понесет наказание перед Аллахом за грехи всего войска. Ибо для того, чтобы взять крепость, необходимо очиститься - такова воля Всевышнего.

На глазах у всего войска он мужественно выдержал пятьдесят ударов плетью, чуть придя в себя, он «сделал шаг вперед, навстречу не сводящим с него испуганных глаз воинам, и заговорил ослабшим голосом:

- Правоверные!... Аллах вернул Азреила * к себе, и я вижу его тень над горою. Аллах прощает Вам грехи и ждет, когда вы одолеете неверных... Удача постигнет нас, крепость будет наша! Аминь! Аллаху Акбар!

И все за имамом повторили одним грозным криком:

- Аллаху Акбар!!!... [Там же, с. 149].

Этот яркий эпизод привлекает симпатию читателя на сторону героя и демонстрирует отношение автора: он покорен его мудростью и мужеством, силой и выносливостью. Художественное мастерство писателя позволило ему максимально приблизиться к жизненной правде. В исследованиях о Шамиле мы находим сведения о «духовно-религиозном и харизматическом воздействии имама на массы», о том, что «способность имама фанатизировать умы людей, многократно усиленная неординарными личностными качествами Шамиля, имела магические последствия» [2, с. 175].

Шамилю удалось вселить воинам уверенность в свои силы, поднять боевой дух, и они мужественно бились у стен крепости и даже на какое-то время захватили ее часть. Но пришедшее на помощь защитникам крепости войско Аргутинского помешало взять крепость. Наибы Шамиля со своими отрядами стали отходить. Можно было бы считать, что внезапное появление Аргутинского всего лишь случай, тот самый случай, который на войне порою играет определяющую роль. Случай - это то, что нельзя предвидеть и предугадать, некое совершенно мистическое явление, которое нельзя избежать. Так ли непредвиденно было появление Аргутинского? Еще до начала штурма крепости Шамиль со своими наибами обсуждает план взятия. Здесь высказывалось много разных мнений, и Шамиль сам обратился к одному из участников и спросил, о том, что тот думает по этому поводу, на что получил ответ: «Я думаю, имам, о том, куда побегут твои наибы, когда на помощь крепости с большими силами придет Аргутинский...» [4, с. 89]. Его словам не было уделено должного внимания. Аргутинский беспрепятственно прошел к Ахтам, и войску Шамиля, как предсказал молодой аскер, пришлось бежать. Конечно, в подлинных исторических событиях, возможно, все разворачивалось иначе. Но при нашем развитии сюжета, вывод напрашивается именно такой: совершена стратегическая ошибка, которая привела к поражению.

Мотив сна - широко используемый прием в повести. Сны снятся Шамилю, Мирзаали, Нине (дочь коменданта Ахтынской крепости), Ади (чабан). Некоторые из этих снов трактуются читателю: Мирзаали сам разгадывает свой сон, Нина доверяется ему, по Книге снов он трактует и ее сон. Сны эти - вещие, в чем мы убеждаемся ходом дальнейших событий. Сон Ади, читатель догадывается сам, - отражение его психоэмоционального состояния. Остается сон Шамиля, который он скрыл и решил никому не раскрывать, ибо предполагал, что сон дан свыше и не должен подвергаться огласке. «А снилось ему, будто Донного, отец, бьет его со всей силой качмой по голой спине, и она от беспощадных ударов стала мокрой от крови» [Там же, с. 7]. Он много думает над сном, пытаясь его разгадать. «Почему отец так сильно, до крови стегал меня качмой по спине? Почему он грозил мне пальцем? ...

Почему он держал в одной руке рог с вином и демонстративно выпивал после каждого удара по моей спине, хотя давно обещал мне бросить пить? И чей это девичий смех был слышен в то время, как мой отец Донного избивал меня?» [Там же, с. 9].

То, что Донного, отец Шамиля, выпивал, а потом перестал пить, дав слово сыну, не авторский вымысел, а достоверный факт. В библиографическом очерке М. Н. Чичагова пишет об условии, которое поставил сын перед отцом: «если он (Шамиль - А. Г.) услышит еще один раз насмешки соседей над ним, то в его глазах зарежет себя».

* Азреил - в исламском веровании ангел смерти.

Деньга-Магомед сильно любил сына; с тех пор он бросил свою пагубную страсть и до конца жизни не прибегал к вину, он знал, что сын его не поколеблется исполнить свое намерение» [5, с. 16].

Здесь же из уст старшей жены Шамиля мы узнаем, что «имаму Чечни и Дагестана, Всевышним дан редкий дар - разговаривать во сне с пророком, мир ему, и даже с самим Аллахом, и спрашивать у него совета или получать благословения в делах, которые имам совершает во благо мусульманской веры» [4, с. 8].

На протяжении всего произведения автор рисует своего героя в состоянии служения Богу, в постоянных молитвах: после любого диалога, до или после любого действия. Самуров показывает Шамиля как истинного мусульманина, но не просто человека верующего, а приближенного к пророку, избранника Аллаха, к которому приходят «видения с небес» и который, глядя в глаза людям, «догадывался о мыслях, которые говорящий хотел бы от него скрыть» [Там же, с. 26].

Читатель, заинтересованный сном еще с первых страниц повести и заинтригованный несколько мистическим образом героя, ждет от Шамиля, всевышнего избранца, какого-то пророчества, предвиденья. Но ожидания не оправдываются, сон Шамиль так и не разгадывает.

Реципиент непосредственно вспоминает о нем в момент свершения ритуала, проводя открытые параллели со сном. Эпизод с бичеванием и есть раскрытие его сна. И если быть внимательными к нему, то он уже говорит о провале. Он слышал смех женщины - смех Нины, которую он обещал отдать в жены первому, кто ворвется в крепость. Именно смех, а не стон или плач. Смех над его обещанием. Во сне Донного пьет вино из бокала после каждого удара Шамиля плетью, пьет, хотя обещал сыну бросить. Здесь образ отца - собирательный, это образ всех грешников, за которых молился и принял наказание имам, то, что Донного «демонстративно пьет» трактуется как-то, что жертвенность Шамиля ни к чему не приведет.

Шамиль, которому снились вещие сны, не смог дать верную трактовку своему сну. Мы не найдем в тексте подтверждения его дара провидения.

В итоге Шамиль на глазах читателя терпит поражение и как полководец, и как провидец. Возможно здесь Самуров-историк, взял вверх над Самуровым-писателем. Само отношение писателя к своему герою неоднозначно. На протяжении всего повествования о Шамиле автор постоянно подчеркнуто демонстрирует нам его силу, мужество, жесткую дисциплину не только по отношению к другим, но и к себе. Он приводит случай из прошлого Шамиля. Он запретил петь, считая, что это отвлекает от служения Аллаху. За нарушение полагалось публичное наказание: двадцать ударов плетью. Как-то, возвратись из похода, он услышал от людей, что его запрет был нарушен. И нарушила его мать. Народ с любопытством следил, что же сделает Шамиль, сдержит ли он свое слово? И он сдержал его, продемонстрировав несгибаемость воли и мудрость. Шамиль взял наказание на себя и прилюдно принял двадцать ударов плетью. Это не художественный вымысел, а несколько интерпретированный исторический факт. Автор, опираясь на исторические документы, факты, пытается выявить феномен личности Шамиля.

Самуров уважает его личностные качества: силу духа, проницательный ум, восхищается им как смелым, отважным воином, преданным своим идеям до конца, но не любит его как властителя и деспота. Мы видим это и в разговоре с Мирзаали, и в высказываниях народа о нем. Более ярко это проявляется в построенной автором системе образов на «парных» персонажах: Шамиль - Николай I.

Также как и с Шамилем, знакомство с Николаем I происходит в его спальне в момент пробуждения. Оба думают о своих военных планах.

Шамиль

«Имам Чечни и Дагестана думал о том, что удачный поход на юг очень ему нужен, чтобы упрочить свой авторитет в глазах народа и заткнуть рты тем, кто считает его, Шамиля, уже старым» [Там же, с. 9].

Николай I

«Демократия погубила Рим, погубит и Россию... Только я смогу сохранить Россию великой и единой.

Я полякам отменил конституцию, дарованную предшественникам, и впредь ее никто не получит! Есть Царь! Есть Бог! Живите и благодарствуйте!» [Там же, с. 19].

И тот, и другой обладают даром общения с высшим существом.

Шамилю «дан дар - разговаривать во сне с пророком и даже с самим Аллахом, спрашивать у них совета или получать благословение в делах...» [Там же, с. 8].

Николай I

«Да, у меня дар предчувствия грядущего, мне господь внушает верные пути, я один спаситель других народов...» [Там же, с. 21].

Оба не доверяют никому, подозрительны и мнительны.

Шамиль

«Шамиль не верил ни ему (Гази-Магомеду), ни другим наибам...» [Там же, с. 27].

Николай I

«Николай никому не верил, кроме себя, не верил слухам, не верил своим министрам...» [Там же, с. 22].

При всей любви к Богу, постоянных молитвах, призывающих к их милости и защите, сами более чем суворы и беспощадны.

Шамиль

«Изменников утром казнить! На виду у крепости, на виду у всего войска, на виду всего Ахты!» [Там же, с. 138].

Николай I

«У императора были уже заранее продуманные жесткие, устрашающие меры на всевозможные действия» [Там же, с. 22].

Для большего раскрытия характеров и для четкого определения своей авторской позиции к этой «паре» Самуров сводит их интерес к одному лицу - Нине Рот, дочери коменданта Ахтынской крепости.

Николай I.

«Недурственна, вовсе недурственна! Надо поручить, чтобы устроили встречу наедине на весеннем маскараде, в ложе или комнате свиданий...», - удовлетворительно подумал Николай... Николай был уверен, что осчастливил каждую из тех девиц, которых доверенные люди привозили для тайных свиданий с ним...» [Там же, с. 25].

Шамиль

«Надо же из каждого случая извлекать пользу для нашего дела, - произнес Шамиль, думая о том, что если немка из Ахтынской крепости будет его женой, немецкий царь примет его сторону, да и молодая жена Аминет станет более ласковой и послушной» [Там же, с. 32].

Самуров Шамиля дает в паре с Николаем I. Подобную расстановку персонажей мы встречаем в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат». Анализируя ее, П. Палиевский отмечает: «От идейного и композиционного открытия в повести и рождается совершенно новый, по-видимому, уникальный в мировой литературе тип реалистической сатиры - сквозное параллельное разоблачение. Взаимным сходством Николай и Шамиль уничтожают друг друга» [3, с. 29]. Возможно, Самуров строил свое произведение, опираясь на опыт русского классика. Такое же «сквозное параллельное разоблачение» - Шамиль и Николай I - мы наблюдаем и при анализе данной повести.

Итак, в реалистической манере Самуров создал сложный, многогранный образ Шамиля и имама, и полковника. Следуя традициям житийного жанра, писатель изображает преимущественно судьбу реального человека, доводя расхождения между биографией прототипа и художественного образа до минимума. С этой целью им оставляются подлинными имена и фамилии изображаемых людей. Писатель строит произведения на строго документальной основе, обращаясь к архивам. Социально-исторический фон помогает глубже постичь масштаб личности центрального героя. Автор далек от мифологизации и идеализации, его герой, увенчанный ореолом мировой известности, лишен хрестоматийного глянца.

История полифонична и неоднозначна. Понять ее - одна из труднейших и важных задач для писателя. Самуров в свое повести попытался понять подлинный смысл человеческой истории и сумел выразить к ней свое отношение.

Список литературы

1. Дегоев В. Имам Шамиль и технология властвования: историко-биографический очерк [Электронный ресурс] // Открытый Дагестан. 1998. № 6. URL: <http://www.opendag.ru/article.php?id=26&nid=24> (дата обращения: 18.06.2009).
2. Дегоев В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. 2001. 376 с.
3. Палиевский П. В. Пути реализма. М., 1974. 223 с.
4. Самуров Н. Ахтынская крепость. Махачкала, 2002.
5. Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и России: библиографический очерк. СПб., 1889. Репринтное издание, 1991. 215 с.

**TO THE PROBLEM OF DOCUMENTARY AND FICTIONAL IN N. SAMUROV'S NARRATIVE
«AHTY FORTRESS». IMAGE OF IMAM SHAMIL**

Albina Abdurahmanovna Gadzhieva

*Russian Literature Department
Dagestan State University
albinas72@mail.ru*

In the article the fictional-documentary narrative "Ahty fortress" by the Dagestan writer N. Samurov (Gadzhiev) and the image of imam Shamil in the light of historical truth are considered.

Key words and phrases: fictional-documentary narrative; system of images; author intentions; «pair» personages; determinism.